

К Р О К О Д И Л

№ 23 (1421)

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ 34-й

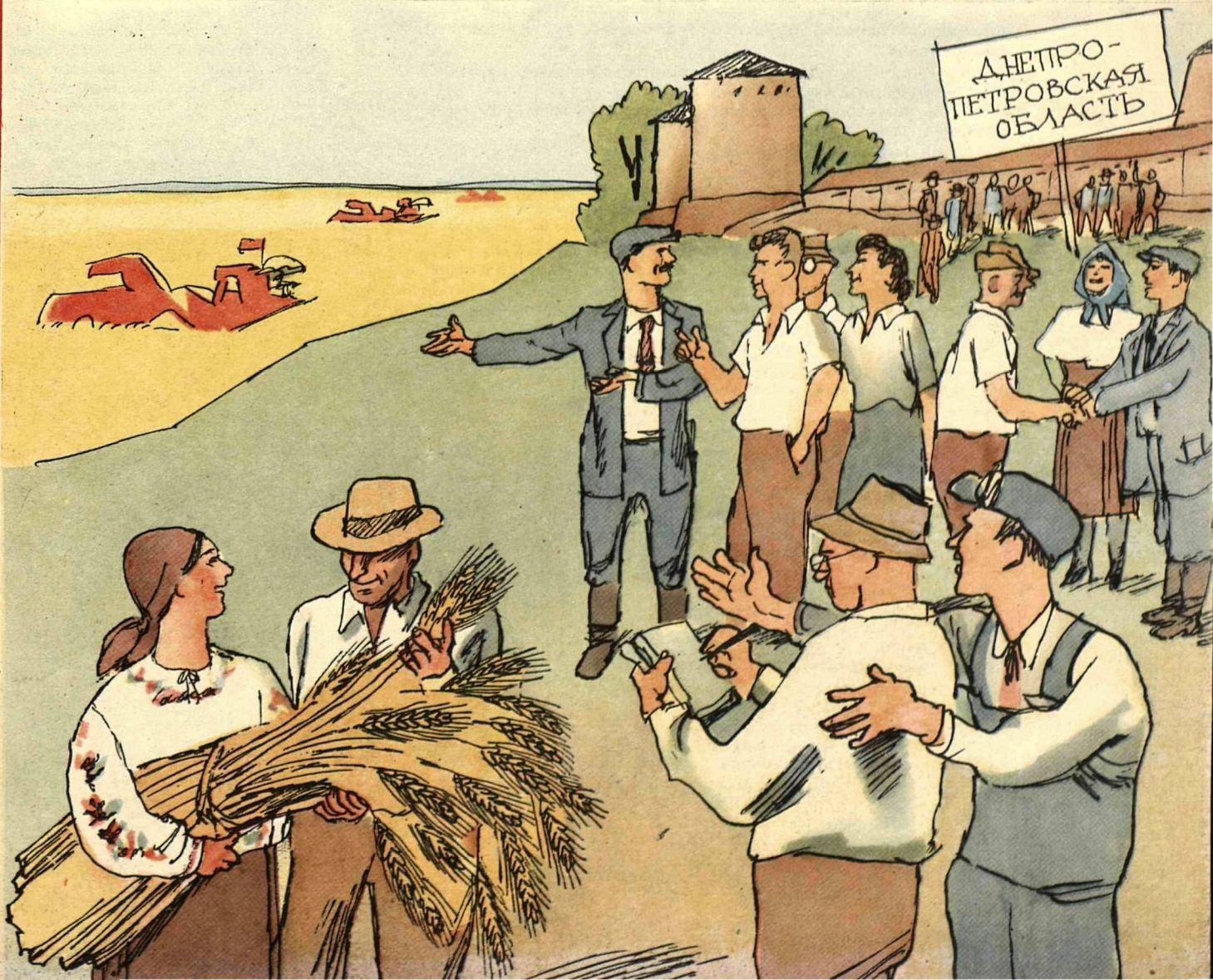
МОСКВА 20 АВГУСТА

1955

НАШЛИ ПОЧВУ...

для дружбы и сотрудничества!

Папа, мама и я

Мы живём в Синцовском районе — папа, мама и я. Мой папа самый сильный, самый умный и самый хитрый из всех пап на свете. Я сам слышал, как говорили: «Наш Васюков на ходу подмётки режет». Я попросил показать, как он это делает, — срезать подмётку у мамы, когда она пойдёт на базар. Но папа сказал, что даст мне понюхать ремня, если я буду повторять всякие глупости.

Так вот, однажды папа пришёл из торга, где он заведующий, и говорит:

— Приближается время отпуска. Хорошо бы всем нам смотаться в Москву.

— А деньги? — спрашивает мама. — На чьи деньги мы поедим?

— С деньгами ещё неясно, — отвечает папа. — Быть может, нам удастся махнуть в столицу за счёт торга.

— Предположим, — говорит мама. — А как с билетами? С гостиницей? Ты думаешь, я буду бегать по Москве с ребёнком в поисках номера?

— Бегать не придётся. Нас встретят на вокзале. С цветами и транспарантами.

— Кто ты такой, чтобы тебя так встречали? Прославленный новатор, тенор или знаменитый штангист?

— Я могу стать на время мастером социалистического земледелия.

Тут маму начало трясти от смеха. Она упала на диван, приговаривая, что папа когда-нибудь уморит её своими выдумками. Но папа ответил, что смеяться нечему, что добрые дяди ему уже обещали три путёвки на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, что мы поедим как колхозники-экскурсанты и всюду нас будут встречать с большим почётом.

— А что надо сделать для того, чтобы получить путёвки?

— Приобщиться к сельскому хозяйству.

— Не хватало, чтобы я ещё поехала в колхоз рыть картошку! — закричала мама.

— Да нет же! Мысленно приобщиться. Я, к примеру, назовусь животноводом, ты — дояркой...

— А сын? Ты забываешь, что ему всего семь лет...

— Он может сойти за сельскохозяйственного вундеркинда... за юнната.

Папа нас не обманывал. Он получил три путёвки на выставку. Мы сели в поезд и поехали в Москву. Всю дорогу мама волновалась и говорила, что это добром не кончится. А папа смеялся и читал книжку про свиней. Он сказал, что надо хорошо потренироваться и тогда нас примут за животноводов. Целый день мама и папа играли в колхозников. Папа спрашивал маму:

— Сколько надьсы, голубушка, накосила сена для своих коровушек?

— Полстогушка сметала, — отвечала мама. — А как у тебя, милёночек, с опоросом?

— На хавронюшек не жалуюсь, матушка, — отвечал папа. — А даст бог, поднаберусь я опыта, ой-да передового, тогда и вовсе всё выполняю и перевыполню!

Мы приехали в Москву, и, как говорил папа, нас встретили на вокзале с большим почётом. А потом отправились в гостиницу, где живут одни экскурсанты. Нам здесь было очень хорошо. Папа и мама начали опять тренироваться. По вечерам они пели песни, которые я никогда не слышал дома. Мама тонким голосом затягивала:

Я лапоть потеряла,
Ты лапоть мой нашёл...

А когда мама кончала петь, начинал папа:

Балалайка, балалайка,
Выговаривай слова!
За хорошую работу
Ты мне в премию дана.

И все думали, что мы самые настоящие колхозники. Но мама боялась, как бы экскурсанты не узнали, что мы их обманываем. А папа смеялся и говорил, что она ужасная трусиха. Он всё её успокаивал, а она не успокаивалась.

Однажды папа пришёл весёлый-превесёлый и сказал, что можно перестать петь частушки про лапоть. Оказывается, в нашей гостинице живут ещё такие колхозники, как мы.

— Не может быть! — удивилась мама.

— А кто, по-твоему, наша соседка Бахматова? — спросил папа.

— Доярка.

— Такая же, как и ты! Она служащая!.. А что ты скажешь о Плотниковой?

— Она огородница.

— Закройщица дамского платья! Из Благовещенска!.. А Краева?

— Трактористка.

— Чёрта с два! Она нотариус. Печати ставит!

— Но Краева хоть приехала одна, а ты со всей семьёй!

— Все умные люди приезжают с семьями, — сказал папа.

Как всегда, он оказался прав. Папа рассказал нам, что и в другой гостинице, где должны жить только экскурсанты, полным-полно семейных, и среди них мало колхозников¹. Всё это почти успокоило маму. Она перестала петь частушки и говорить «надьсы» и «кабыть». Правда, иногда она вздыхала.

— Чего ты ещё боишься? — сердился папа.

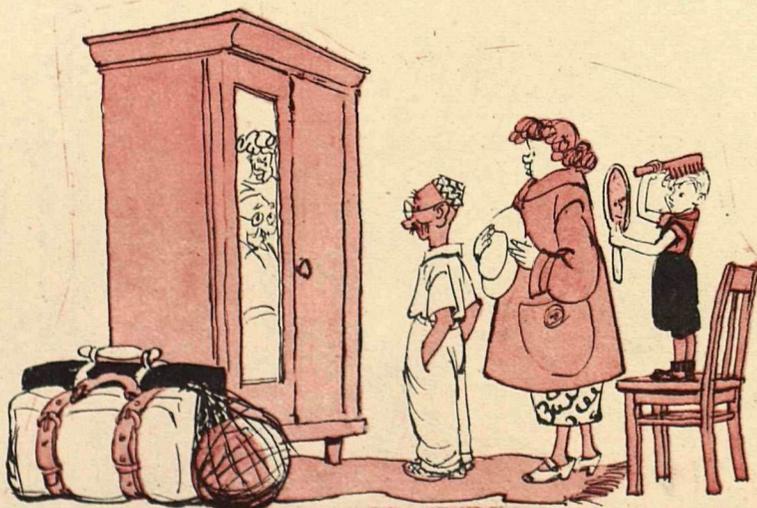
— Мне просто немножко стыдно, — созналась мама. — Ведь мы здесь занимаем чужие места. По нашим путёвкам могли бы приехать настоящие колхозники.

Но папа и слушать не стал. Он сказал, что привык думать только о себе и своей семье. А о колхозниках пусть думает Министерство сельского хозяйства. И ещё он сказал, что ему надоели мамини переживания. Нечего их зря размусоливать.

И я подумал, что папа прав, как всегда. Он всё знает и всё умеет. Когда я вырасту большой, стану такой же, как папа. Я тоже буду ездить на выставки, и занимать чужие места, и ходить по чужим билетам. Я буду петь разные частушки и думать только о себе, и мне будет так же весело и хорошо жить на свете, как моему умному и хитрому папе.

Со слов Васюкова-младшего
записал С. ШАТРОВ.

¹ Мальчик ничего не напутал. В гостинице № 3 проживало много товарищей, которые вместе со своими семьями прибыли на выставку по экскурсантским путёвкам. Среди них мы нашли заведующего районо П. Т. Федоряна с женой; начальника Золотопродснаба И. А. Косыгина с женой и сыном; заведующую универмагом О. К. Агневич с мужем; заместителя начальника депо И. И. Компанейца с женой и двумя дочерьми и др. Всех их прислали из Хабаровского края. Кстати, хабаровцы умудрились прислать по путёвке гражданку Чешеву, которая направлялась к своей дочери в Баку. Путёвка ей была выдана для того, чтобы облегчить путешествие. Здесь же мы нашли и заведующего Александровским районцеторгом (Молотовская область) тов. Вельх с женой и пятилетним сыном. (Примечание Крокодила.)

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

— Десятыми часами меня наградили, а на распространение опыта не отвели ни минуты...

Мимоходом...

Иному знатному полководцу не вредно напомнить, что президиум собрания не единственное поле его деятельности.

Увы, терять часто приходится не лён, а за лён!

— Ну, как у вас с подготовкой к зиме?
— Всё в порядке. Пишем оправдательные документы.

„Берегите зелёные насаждения!“ — было начертано на табличках, но в сквере уже не было того, что следовало беречь.

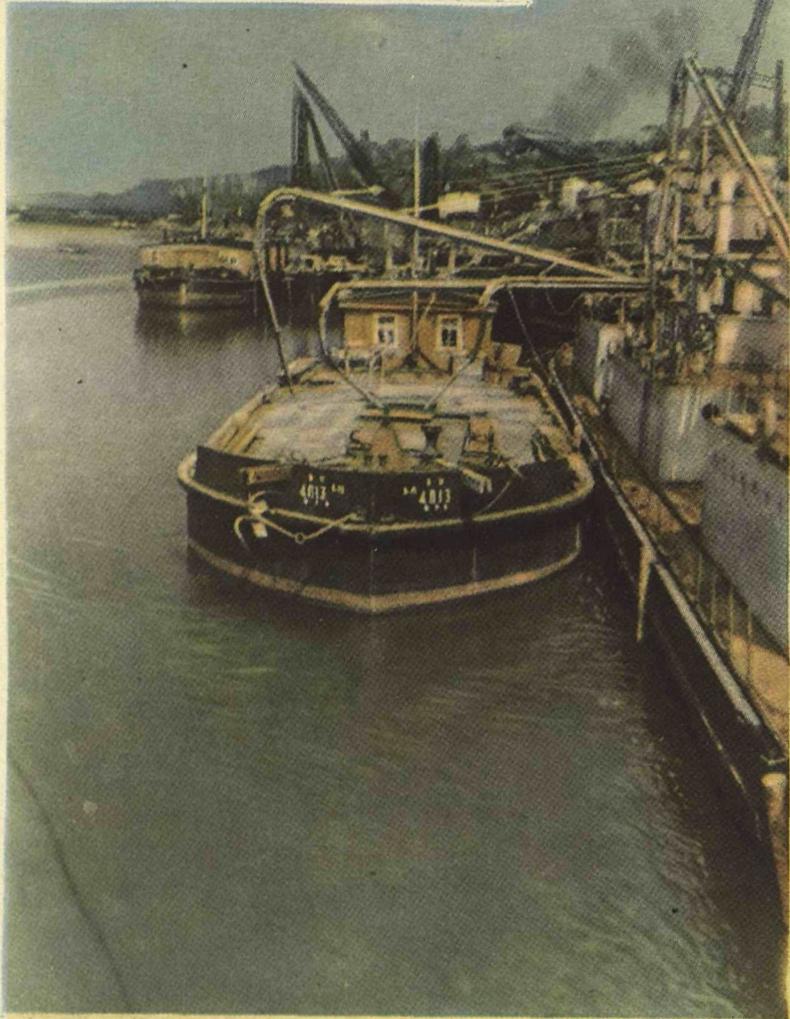
— Хорошо виноделам, — вздыхал незадачливый машиностроитель, — у них продукция чем старше, тем дороже ценится!

Приметы осени: дни стали короче, птички улетели, листва опала, школа не отремонтирована.

— Как дела в цехе?
— Плана не выполняем. А так всё хорошо.

Сколько уже великодушных остроумцев породили тупые лезвия „Метро“, но лезвия от этого острее не стали.

Л. МИТНИЦКИЙ

НА РЕКЕ БЕЛОЙ

Волга впадает в Каспийское море. Река Белая впадает в Волгу. Речной транспорт — самый дешёвый вид транспорта.

Эти истины казались нам непоколебимыми до тех пор, пока мы не попали в Уфимский речной порт. Нет, реки нас не подвели: они текли и впадали куда следует. Но, приглядевшись, мы заметили, что течёт и многое другое, и совсем не так, как следует. Неторопливо текут дела, протекают крыши складов, понапрасну течёт время, и, наконец, текут деньги. Всё это и заставило нас усомниться в дешевизне речного транспорта на реке Белой.

ТЕЧЁТ ВРЕМЯ

Итак, перед нами текла река Белая. На реке стояла баржа № 4009. Её шкипера — Николая Александровича Трофимова — мы застали в раздумье. Шёл дождь. На носу баржи, понуро опустив голову, сидел шкипер в плаще с капюшоном.

— Ждёте погоды?

— Не в погоде дело! — вздохнул тов. Трофимов. — Третий день жду отправки. А выгрузки дожидался восемь дней. Вот так и уходит время.

Мы посочувствовали Николаю Александровичу: при таких простоях нелегко ему выполнять план.

— По плану я и сию! — вдруг рассердился шкипер. — Сто тридцать один день должен просидеть. Не верите? — Он достал навигационный план.

«Всего стоянок — 131 сутки», — прочли мы.

Рядом была ещё одна цифра: «В движении — 54 суток».

— Такие же планы простоев и у других

Дела

судов, — с грустью добавил наш собеседник.

Мы оглянулись. На рейде и в самом деле стояла вереница барж. Кое-где виднелись на них унылые фигуры шкиперов: они тоже... сидели по плану.

— А планы эти «высижены» в пароходстве, — продолжал шкипер, — видимо, там, как говорится, «подсчитали свои возможности».

ТЕКУЩИЕ ДЕЛА

На берегу нашим взорам открылась красочная картина индустриального пейзажа: плучие и береговые краны, транспортёры, пневматические перегружатели для хлеба и иные могучие механизмы. Таким образом, возможности пароходства были налицо.

«Странно! — подумали мы. — При такой технике суда простаивают!»

Но тут на одном из причалов послышалась команда:

— Налегай!

Несколько человек вращали простейший ворот, сиюсь сдвинуть с места мощный агрегат — так называемые нории — для механической перегрузки зерна.

— «Мотор» в десять человеческих сил! — пояснил заместитель начальника хлебных причалов тов. Кустов. — Приходится пользоваться таким вместо электрического, который уже второй год обещает поставить главный инженер пристани Казаков.

На соседнем причале мёртвая тишина. Тихо на борту пневматического перегружателя; казалось, дремлет прислонившаяся к его могучему борту баржа с хлебом.

— Пневматика — новинка. За один час может перегрузить сто девяносто тонн. Последнее слово техники! — сказал тов. Кустов.

— Но, кажется, слово расходится с делом: механизм стоит?

— А это потому, что своего слова не держит Казаков: ещё зимой обещал наладить оборудование и забыл.

Баржи с грузом стояли и у следующего причала. Здесь было шумно. Это бригадир грузчиков Алексей Горячев громко выражал своё возмущение: остановился транспортёр. Поблизости не оказалось ни механика, ни ремонтных рабочих. Не было и инженера Казакова. Таким образом, всю красоту оборотов речи бригадира могли оценить только грузчики. Но им знакомы эти слова: бригадир вынужден произносить их ежедневно. Впрочем, сейчас грузчики были заняты: по случаю порчи механизма таскали грузы на спине с помощью дедовского приспособления, известного под названием «козы».

Вечером у начальника пристани тов. Грабенко состоялось очередное совещание. В повестке дня был и вопрос о простоях механизмов. Рассматривался он, как обычно, в текущих делах...

ТЕКУЩИЙ РЕМОНТ

В затоне судоремонтного завода находилось полтора десятка судов: барж, буксиров, пароходов. На борту одного из них сохранилось полустёршееся название: «Грузин». На палубе возилось несколько человек. Увидя фотоаппарат, они почему-то стыдливо отвернулись. Один из рабочих сказал:

— Пятилетку завершаем.

— Поздравляем!

— Спасибо. Не за что: не та пятилетка.

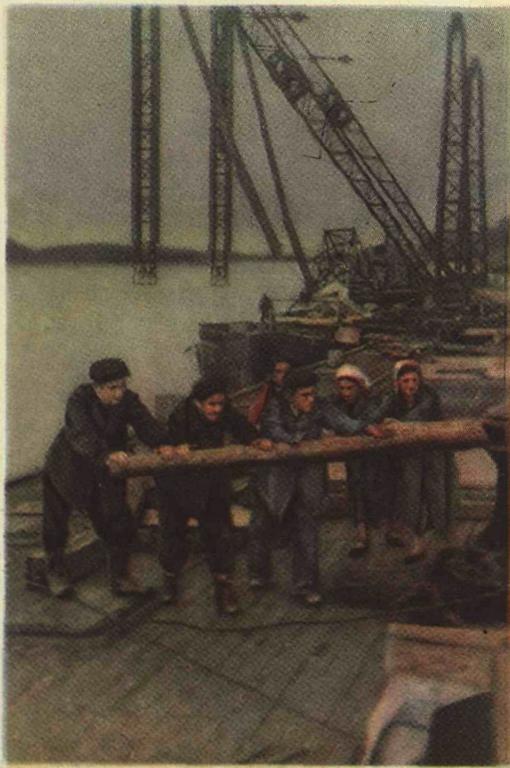
— Как так?

— Пятилетка простоев! Пять лет стоит на ремонте «Грузин».

— Почему так долго?

— Техника у нас на низком уровне.

Заводская техника и в самом деле оказалась на высоте всего двух — трёх метров над уровнем реки. Попросту говоря, она валялась на берегу. На этом уровне находились, например,

ТЕКУЩИЕ

части слипа — нового механизма для подъёма судов. Немного выше стоял полуразбитый ящик, из которого выглядывал новенький сверлильный станок. Рядом с ним, под одним небом, лежал усовершенствованный станок для гнутья котельного железа. Вокруг в живописном беспорядке валялись части окончательно развалившихся механизмов.

Одним словом, для полноты картины на этом кладбище не хватало только креста. Впрочем, он присутствовал тут незримо — тот самый символический крест, который руководители завода поставили на технику.

В одном из углов поросшего бурьяном двора мы споткнулись о бранные останки какой-то баржи.

— Экспериментальная! — пояснили рабочие. — Была оборудована под толкание. Толкание — самый прогрессивный метод в речном транспорте.

— А как у вас, толкают?

— Нет, толкают! — рассмеялись собеседники. — Пока идут одни разговоры, и ни одно судно в пароходстве полностью под толкание не оборудовано.

— Не поспеваем! — пояснил директор завода тов. Кудринский. — Одолеваем нас текущий ремонт. Дни и ночи ремонтируем.

Но, говоря о текущем ремонте, директор умолчал о капитальном. А одно, так сказать, вытекало из другого: из-за того, что зимой капитальный ремонт был проведён плохо, всё лето приходится заниматься текущим.

ТЕКУТ КРЫШИ

Уфимский речной порт — крупный перевалочный пункт. Мы решили посмотреть, как происходит здесь перевалка грузов с реки на железную дорогу. Выяснилось: по этому поводу существует много споров.

Спорят начальники: начальник железнодорожной ветки А. И. Калачев и заместитель начальника пристани Ю. Г. Бештау. Спорить им удобно.

Достаточно высунуться из окна — обе конторы находятся друг против друга.

— Опять вагоны вовремя не подаёте! — возмущается тов. Бештау. — Платите штраф!

— Опять задерживаете погрузку вагонов! — кипит тов. Калачев. — Платите штраф!

У складов с зерном, куда только что подали вагоны, спорят подчинённые: представитель пароходства тов. Гибадуллин и представитель железной дороги тов. Аблеева.

Сперва оба представителя пытаются укрыться под одной крышей — под крышей вагона. Через минуту оттуда слышится возмущённый возглас:

— Да ваша крыша течёт!

Представители укрываются в складе. Скоро и оттуда несётся крик:

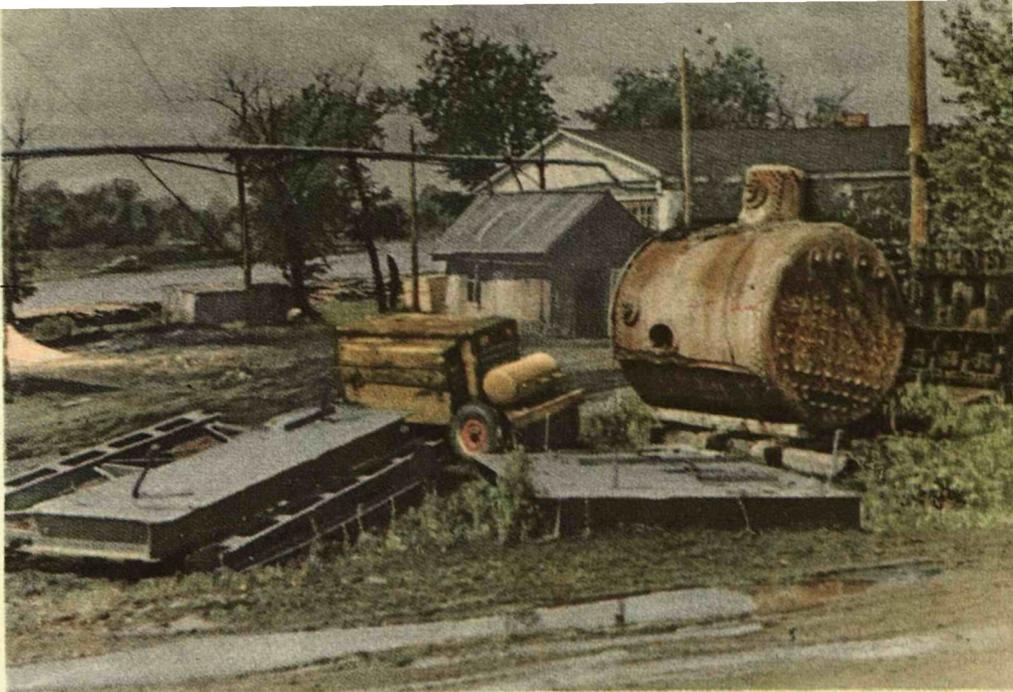
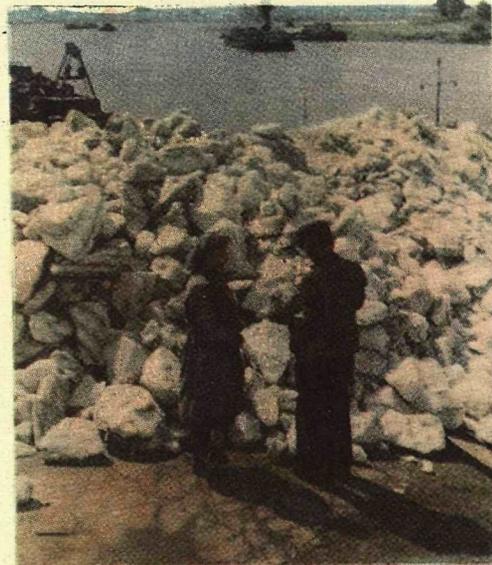
— Да ваша крыша тоже течёт!

Представители перебираются в другой вагон.

— И этот вагон не годен под хлеб! — рокошет мужской голос. — Получится хлеб с маслом!

— С каким маслом? — недоумевает женский голос.

— С машинным. Вагон-то из-под масла! Платите штраф!

— Бесхозность! — возмущаются грузчики. — Вот в чём соль!

— Соль-то как раз и ни в чём! — откликнется кто-то. — Глядите!

Действительно, соль была ни в чём. Целая гора её лежала под открытым небом, поливаемая дождём, и таяла на глазах. Несколько рабочих грузили её с помощью самых обычных лопат.

ТЕКУТ ДЕНЬГИ

Своими впечатлениями о работе пароходства мы поделились с его начальником Ф. А. Кибальником. Мы описали ему всё, что запечатлел фотоаппарат. Однако начальнику всё рисовалось в несколько ином свете.

— Пристань Уфа работает совсем неплохо! — не без гордости сказал он. — Её неоднократно премировали.

— За что?

— За показатели. Например, план доходов перевыполнили.

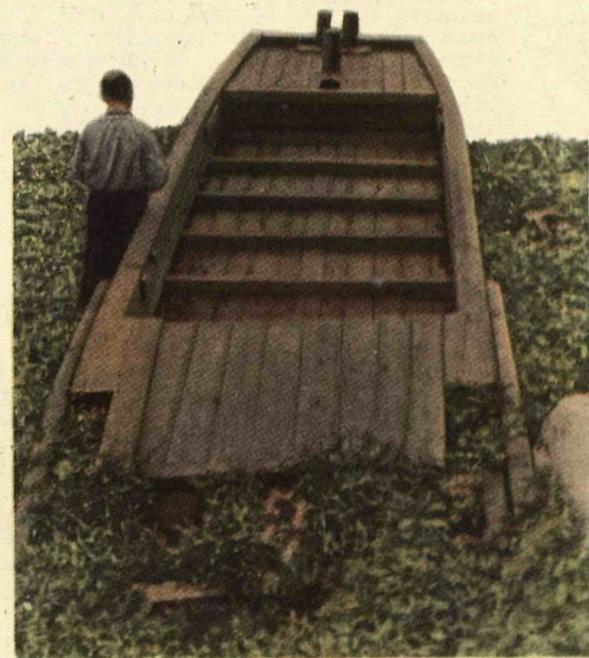
Мы были заинтригованы: как текущие крыши и простаивающие суда и механизмы могут приносить доходы?

Бухгалтерия рассеяла наши сомнения:

— Кроме доходов, есть и расходы. План расходов пристань тоже перевыполнила. Сальдо, увы, не в нашу пользу: три четверти миллиона рублей убытков.

Никому, так сказать, не приносит пользы и сальдо пароходства: 9 миллионов рублей убытков в прошлом году и 4 миллиона 700 тысяч за половину нынешнего.

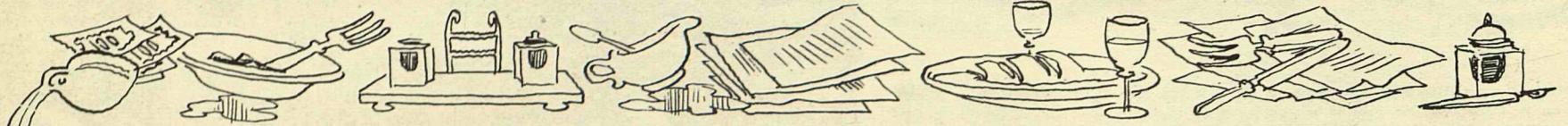
Водный транспорт на реке Белой оказался далеко не самым дешёвым.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Фото А. УЗЛЯНА.

ПЯТНО НА ДИССЕРТАЦИИ

Утром в ресторане «Волна» при уборке банкетного зала буфетчик Сорокин обнаружил под кучей грязных тарелок отпечатанный на машинке пухлый том докторской диссертации. Несмотря на ранний час, буфетчик хотел немедленно позвонить автору диссертации, чтобы успокоить его:

«Не волнуйтесь. Пропажа обнаружена».

Позвонить, но кому? Тёмное, густое пятно расплылось по первой странице диссертации, похоронив под собой как фамилию автора, так и название его труда. Буфетчик позвонил к себе бригадира официантов Савельича:

— А ну, старик, помоги разобраться!

Старик посмотрел первую страницу на свет. Затем таинственно поднёс её к своему носу, зачем-то понюхал и сказал:

— Грузинское сухое, типа «Каберне».

— Это сверху, а под ним что? — спросил буфетчик.

— Под ним салат из крабов и соус «кабуль».

— Ну и серый же ты, Савельич! Я фамилии автора никак не прочту, а ты про соус «кабуль» толкуешь.

— А что об авторе беспокоиться? — спокойно ответил Савельич. — Автор проспится и сам прибежит за пропажей.

Но автор не прибежал. В «Волне» ждали его день, два, три, неделю.

— Странно, — сказал Савельич, — к нам люди за каждой малостью приходят: за забытым зонтом, старой шляпой, калошами. Видно, эта диссертация ничего не стоит, если про неё никто не вспоминает.

— Как не стоит? — вскипел буфетчик. — Да из-за этой диссертации одного вина было выпито тысячи на полторы рублей! А ты прибавь сюда стоимость закусок, горячих блюд, разбитых фужеров...

В общем буфетчик Сорокин решил во что бы то ни стало найти автора и вернуть ему его труд. Найти, но как?

— Господи, это же проще простого, — сказал директор ресторана.

В этом ресторане докторанты и аспиранты чуть ли не каждую субботу устраивали банкеты, поэтому директор «Волны» прекрасно знал секреты производства как кандидатских, так и докторских работ.

— А она о чём, эта диссертация? — спросил он.

— Да в ней обо всём понемногу.

— Ясно, — сказал директор. — Иди на Волхонку, № 14. Эта диссертация из Института философии или из Института экономики.

И вот мы вместе с буфетчиком Сорокиным идём на Волхонку, № 14.

«То-то будет радости философам, — думаю я, — когда у них в руках окажется утерянная диссертация».

Но философы вовсе и не думали радоваться. Сорокин стучится в одну дверь, в другую, и всё зря. Наконец, чья-то сердобольная душа сжалась над буфетчиком и сказала:

— Пожаейте свои ноги, дорогой. Ваша находка никому не нужна. По пятну на обложке я вижу, что эта диссертация уже сделала своё дело. Автор получил научную степень и, остепенившись, забросил свою работу.

— Но ведь это же докторская диссертация, её можно издать!

— Видно, не того она качества, чтобы издаваться.

Странно. Докторская диссертация — это вклад в науку. За право опубликовать такую работу должны спорить журналы, издательства. Но увы! За пять последних лет в Институте экономики были защищены 52 докторские диссертации, а из них опубликованы всего 13. Наряду с хорошими работами институт подготовил много посредственных и вынужден пропагандировать их сейчас в рукописном виде. Эти рукописи лежат в библиотеке. Их может прочесть любой человек. Может, но не читает.

Докторская диссертация Н. М. Ткешелашвили за три года побывала на руках у четырёх лиц. А если учесть, что Ткешелашвили пробыв в докторантуре шесть лет и его диссертация стоила институту 120 тысяч рублей, то нетрудно подбить итог: каждое прочтение трудов этого доктора обошлось государству в 30 тысяч рублей. Ткешелашвили ещё повезло. А вот диссертации С. Ковалёва, А. Гусакова, Г. Костромина и вовсе никто не брал в руки.

— Среди наших диссертаций много надуманных, оторванных от жизни, — говорят работники журнала «Вопросы экономики», — поэтому их не хочется ни читать, ни печатать.

— Кто же утверждает такие диссертации?

— Учёный совет.

Любопытная подробность: члены редакционной коллегии «Вопросов экономики» являются в своём большинстве одновременно и членами Учёного совета Института экономики. И вот в редакции эти люди бракуют то, за что они голосуют в институте.

Члены Учёного совета Института экономики, так же, как и Института философии, — люди авторитетные, члены-корреспонденты Академии наук, профессора. Но вот беда: эти уважаемые, авторитетные учёные не всегда читают те диссертации, которые утверждают.

— В обязательном порядке, — говорят сотрудники института, — у нас штудируют диссертации только три человека.

— Кто же эти трое?

— Официальные оппоненты.

Так вот и создаётся конвейер по штамповке дутых научных величин. В день обсуждения только три официальных оппонента и говорят развёрнуто о диссертации. Что же касается членов учёных советов, то эти товарищи, бегло перелистав здесь же, на заседании, страницы автореферата, делают два — три незначительных замечания и присуждают диссертанту почётную научную степень.

— Членам учёных советов трудно знакомиться с трудами соискателей глубже, — говорит учёный секретарь института и добавляет: — Сами посудите, каждый год в нашем институте подготавливается к защите около пятидесяти кандидатских и докторских работ. А в каждой работе сотни страниц. Ну, можно ли всё это прочесть?

Если все эти работы нельзя внимательно прочесть, зачем их утверждать? И ведь что удивительно: все эти утверждения санкционируются Всесоюзной аттестационной комиссией.

— Присуждение научных званий, — говорят работники ВАКа, — идёт согласно существующему положению.

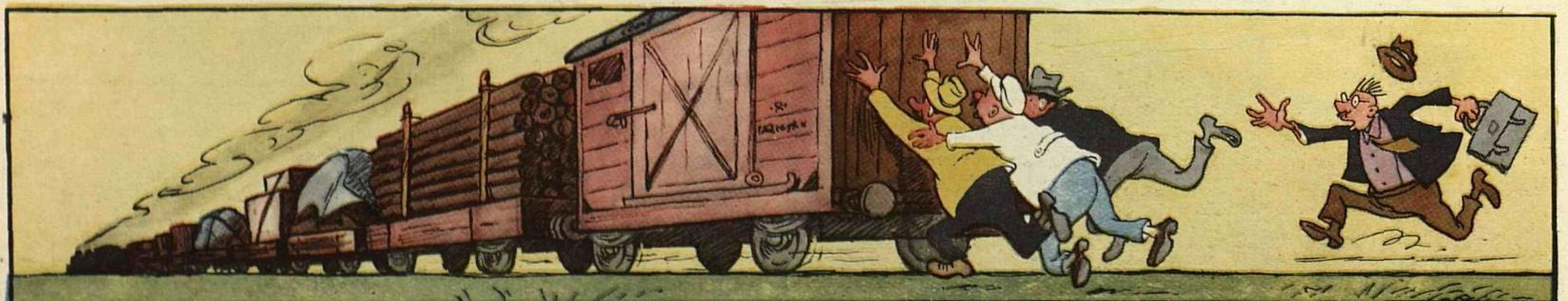
Повидимому, настало время пересмотреть и изменить это устаревшее положение. К защите должны допускаться не авторы компиляций, не прилежные коллекционеры цитат закавыченных и раскавыченных, а подлинные учёные, чьи диссертации действительно являются ценным вкладом в науку и решают настоящие жизненные проблемы экономики. Кстати, прежде чем назначить диссертацию к защите, её полезно было бы предварительно опубликовать, вынести на широкий суд читателей. Келейное обсуждение научных работ, в узком кругу своих людей, приводит к серьёзным ошибкам. Это же позор, когда сорок из пятидесяти утверждённых докторских диссертаций годами лежат на полках в пыли, никому не нужные, предоставленные грызущей критике мышей!

Завтра в редакцию снова позвонит буфетчик Сорокин и спросит, что ему делать с найденной диссертацией. Бросить в утиль? Ну как посоветовать такое? Ведь за этот утиль кому-то присуждена степень доктора наук!

Сем. НАРИНЬЯНИ

И МЫ ТОЛКАЛИ...

Рисунок И. СЫЧЕВА.

ТОЛКАЧ: — Поднажмите, ребята! А то говорят, что наша работа бесполезная...

О внешнем лоске, молоке и воске

Кто о Степном не знает!
Там исполком районный
Два года возглавляет
Товарищ Граммофонный.

Любитель звонкой фразы,
Он выучил приказы
О кукурузе срочно.
Освоюсь в этом деле,
Он, ночью встав с постели,
Воспроизвёл бы точно
Сентенции важнейшие
И выдержки длиннейшие
Без пауз, без запинки,
Точь-в-точь как на пластинке.

С трибуны на собраниях
Он поучал, гремел,
Но в собственных познаниях
Вдруг ощутил пробел.

Куда гордыня делась!..
Измаялся, гадая:
«И что ж это за спелость
Молочно-восковая!»
Он мог блеснуть тирадой,
Любил словесный лоск,
Но стали вдруг преградой
И «молоко» и «воск».

«Положим, зёрна спелые,
На цвет молочно-белые.
Но воск тогда к чему!..
Хоть лопни, не пойму!
У агронома спросишь —
Себя же и подкосишь.
«Ну,— скажет,— и тупица!»
Нет, это не годится!..»

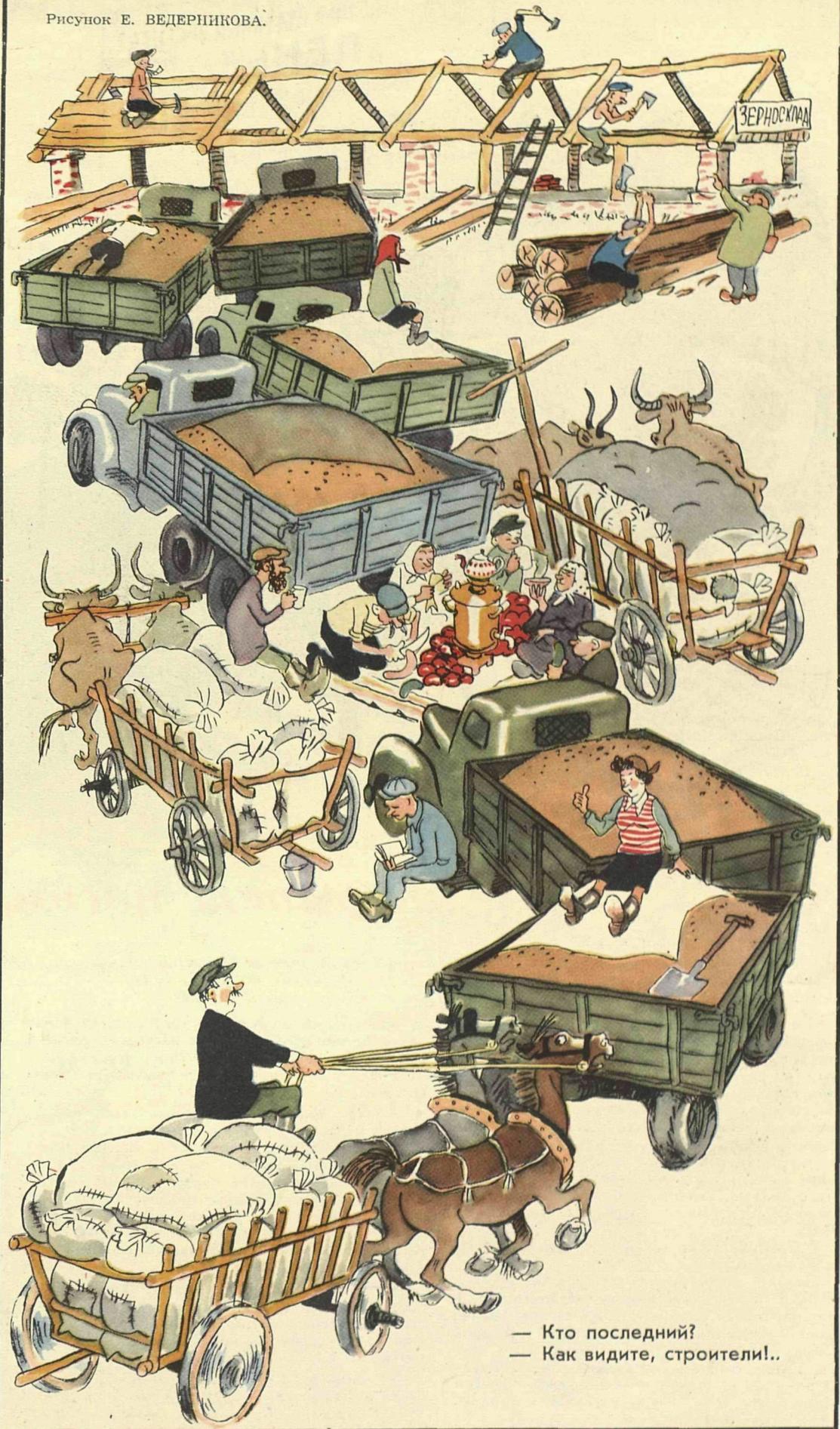
Внезапно осенило:
«Ба!.. Дед мой — пчеловод!..»
— А ну, крути, Гаврила!
На пасеку! Вперёд!..

— Моё почтенье деду!
Привет! Физкульт-ура!
Я ж говорил — приеду...
— Давно, внучок, пора!..

— Вопрос к тебе, дедусь!
Никак не разберусь...
Хоть не кончал ты вуза,
Но скажешь, полагаю,
Что значит «кукуруза
Молочно-восковая»!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Кто последний?
— Как видите, строители!..

— Ты как, серьёзно, что ли!
Смотри, какой скандал!..
Ты что же, не был в поле!
Початков не видал!..

Дед, помолчав минутку,
Добавил, может, в шутку,
А может, и в сердцах:
— Эх-ма, внучок учёный!
Початок, знать, зелёный!
Ты носишь на плечах!

А ведь с людьми общаешься,
Начальником являешься!
Поди, бедняга, маешься
С такою головой!
Она хотя и в целости,
Да не видать в ней спелости,
Ей далеко до зрелости,
Молочно-восковой!..

Перевёл с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

ДУБЛЕРЫ

Открытое письмо

начальнику Управления новой техники Министерства сельского хозяйства СССР
тов. А. Ф. БАРСУКОВУ

Мне передавали, что не так давно вы, Александр Фёдорович, получили письмо от механизаторов одной из МТС. Механизаторы — в который уже раз — просили оборудовать тракторы и комбайны удобными сиденьями со спинками, глушителями шума, отражательными зеркалами, педалями с рифлёной поверхностью... Словом, то была обычная претензия. В другое время вы преспокойно подшили бы её к делу. Но заключительная фраза этого письма вывела вас из себя. Письмо заканчивалось явно недвусмысленным намёком:

— Попробуйте-ка вы побыть, хоть немного, на нашем месте...

Говорят, вы погрозили кому-то кулаком и готовы были немедленно отправиться в командировку. Вам не терпелось как можно скорее отчитать непочтительных авторов письма.

Вы погорячились, пошумели и... никуда не поехали. Оно и понятно, почему. Вы ясно представили себе, какие каверзы и подвохи могут ожидать вас в пути.

...Вы в поезде. Неожиданная командировка не позволила вам обеспечить себя билетом в мягком вагоне, и вы довольствуетесь жёстким. К тому же у проводника не хватило постельных принадлежностей, и вы всю ночь маетесь на жёсткой койке.

Но это ещё не всё. На железнодорожной станции, куда вы следовали, вас дожидается окутанный чадом автошарабан какой-то чудовищной конструкции — странная постройка с допотопным автомобилем. Дикий рёв моторов сразу же оглушает вас. Водитель знаками приглашает сесть рядом с ним. Вы

взбираетесь на машину и тут же выскакиваете обратно: железное сиденье настолько раскалено, что к нему даже притронуться опасно.

Шофёр выключает мотор и удивлённо спрашивает:

— Чего испугались? Машина весь день стояла на солнцепёке, ну, и нагрелась.

Через час сиденье остывает, и машина трогается в путь. Нужно ли описывать ваши злоключения? Не имея перед собой отражательного зеркала, шофёр поминутно оборачивается назад, и только чудом машина не наезжает на встречный столб или не скатывается в ров. А тут ещё вас нагоняет гроза, а над вами — ни тента, ничего.

— Что всё это значит? Это же издевательство, а не езда! Неужели нельзя было прислать исправную машину, с мягким сиденьем, с тентом, глушителем шума, с отражательным зеркалом? Шутить изволите?

— Какие уж там шутки! — невозмутимо отвечает водитель. — Всё, что вы просите, вполне законно, но весьма проблематично. Вам, солидному человеку, не к лицу вносить элементы фантазии.

Вы слышите знакомые слова. Ведь точно такие же аргументы вы лично, Александр Фёдорович, высказали в своё время по поводу «Правил техники безопасности на сельскохозяйственных работах».

Вы, конечно, помните эти «Правила», утверждённые заместителем министра Г. Г. Петровым и Центральным комитетом профсоюза. В них говорилось, что трактористу надо создать все удобства для работы и оборудовать трактора тентом или кабиной, мягким си-

днем, отражательным зеркалом, глушителем шума и т. д.

Ознакомившись с этим документом, вы тут же, не отходя от письменного стола, дали волю накипевшим чувствам и поставили перед заместителем министра П. С. Кучумовым вопрос ребром.

«В действующие «Правила техники безопасности», — писали вы, — не следует вносить элементы фантазии... Многие из перечисленного выше специального оборудования для тракторов и сельскохозяйственных машин является проблематичным... А потому считал бы целесообразным отменить «Правила», как не отвечающие своему назначению».

Заместитель министра П. С. Кучумов, получив вашу докладную, переадресовал её в отдел министерства, где готовились эти «Правила». Оттуда вскоре пришёл ответ.

Что же оказывается? Всё то, что вы признали проблематичным и фантастическим, было записано в решение правительства ещё двадцать пять лет назад! Вам, отвечающему в министерстве за новую технику, следовало бы об этом не только помнить, но и руководствоваться при заказах новых машин.

Конфуз, конечно, пренеприятный! Однако всё обошлось благополучно: заместитель министра П. С. Кучумов лишь слегка пожурил вас, и вы, как ни в чём не бывало, продолжаете работать в том же духе.

К чему я всё это пишу, спросите вы. Только затем, чтобы вы приняли мой добрый совет, прислушались к голосу механизаторов и перестали выскидывать всякие сложные проблемы и элементы фантазии там, где их никогда не было и нет!

КУДА ПОЙТИ МАНЕЧКЕ УЧИТЬСЯ

В выходной день в столовой собрался семейный совет.

— Скорее думайте! — нервно сказала бабушка. — Куда пойти Манечке учиться?

— Лучше всего на медицинский, — взяла слово мама. — Туда большой наплыв, но у меня рука в хирургической клинике.

— Есть институты, — сказал папа, — куда можно поступить и без руки. Например, в мелиоративный. Там, говорят, на одно свободное место только один и три десятых претендента! И к тому же дают серьёзные знания.

— А потом дают серьёзную путёвку на село! — воскликнула мама. — Ты что же, хочешь, чтобы твоя дочь носила сапоги и ездил на лошадях?!

— На лошадях — ещё с полбеды, — ехидно заметила бабушка, — а вот не угодно ли на сабаках?

— Может быть, в консерваторию?.. — задумчиво спросил папа. — Туда легче попасть.

— Туда легче попасть, — возразила мама, — тем, у кого есть музыкальные способности. А Манечке в детстве медведь наступил на ухо. Нет, уж лучше в лесной институт! Там свободнее, туда девушки неохотно идут.

— И правильно делают! — воскликнула бабушка. — Окончить институт и жить в лесу?! А за кого она там выйдет замуж? За лешего?

— А почему бы Манечке не пойти на агрономический? — предложил папа. — Я слышал, там дают лёгкие темы для экзаменационного сочинения. Знаете, это идея!

— Что идея? — сердито парировала бабушка. — Агрономический — это значит вечно копать в земле. И если бы хоть сеяли по-человечески, а то не угодно ли — квадратно-гнездовым способом!

— Квадратно-гнездовым! — угрюмо поправил папа.

— Ах, не противоречьте, дорогой зятьёк! При чём гнездовым? Гнездо никакого отношения к агрономии не имеет, это уже по птичьей части...

А мама, не слушая, говорила, счастливо улыбаясь своим мечтам:

— На киносценарный! Вот бы куда! И у Манечки определённое призвание к кино: она не пропускает ни одного фильма!

— Для того, чтобы туда поступить, надо иметь не призвание, а протекцию, — наставительно сказала бабушка.

— Ах, мамочка! Мы все боремся с протекцией. Не протекция, а знакомство.

— Отметки на экзамене тоже имеют некоторое значение, — робко заметил папа, но мама продолжала:

— Постойте, может быть, её отдать на ветеринарный? Неужели для того, чтобы лечить лошадей, тоже надо знать алгебру на «отлично»?

— Зубоврачебный, мелиоративный, — бормотал папа, перелистывая справочник, — текстильный, геодезический... химический, биохимический, литературный... И почему в справочнике не сказано, куда легче поступить?!

— Давай, давай! — торопила мама. — Манечку могут спросить знакомые, куда нам удалось устроить её учиться, а мы ни с места.

Дверь скрипнула. На пороге стояла Манечка. Вопросительно-выжидающим взглядом она окинула семейный совет:

— Куда же мне пойти учиться?

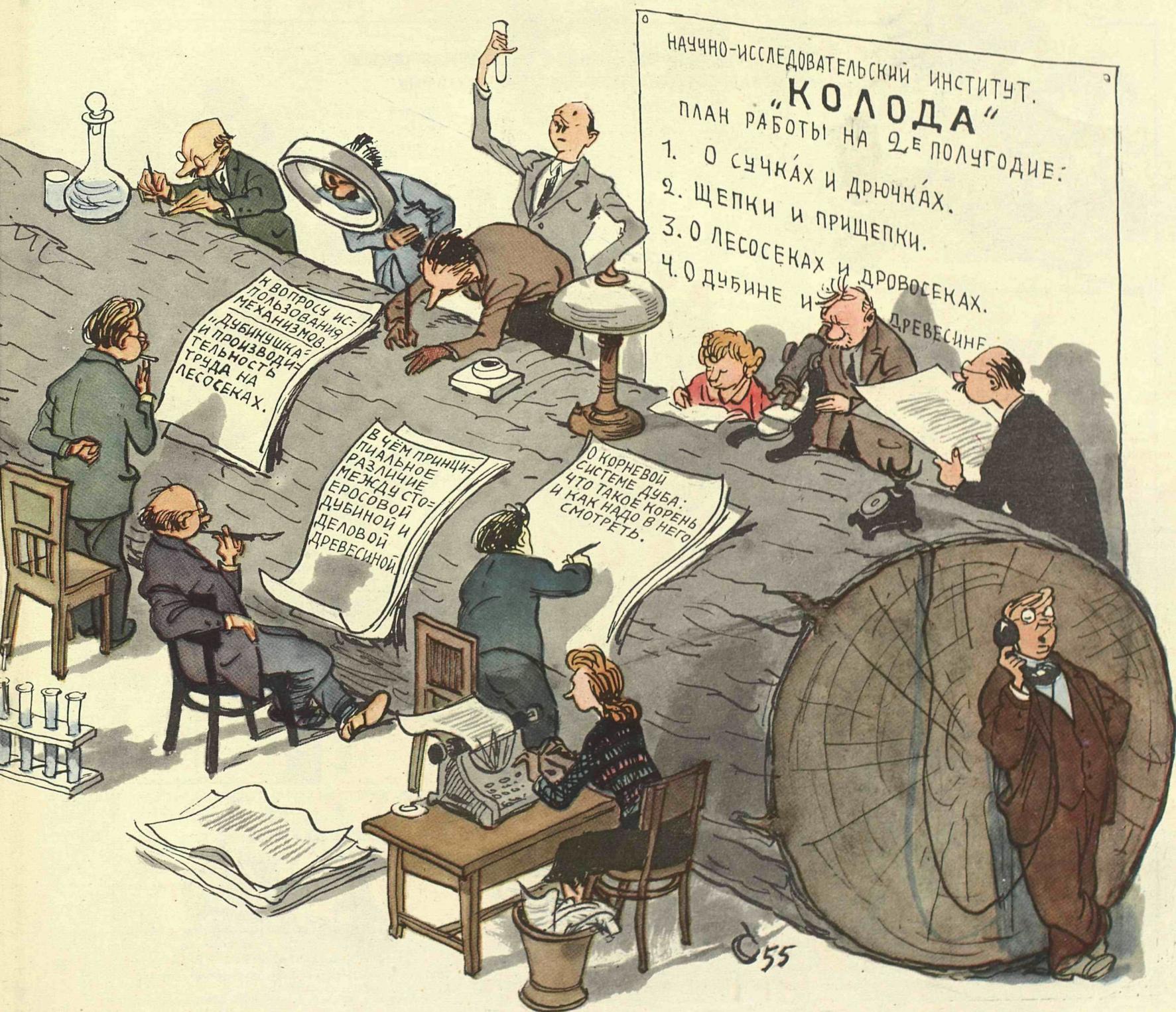
— Ещё, доченька, не решили, — торопливо оправдывалась мама. — Ты знаешь, в этом году не так-то просто устроиться в институт!

— Ну, пока будете решать, я успею сходить в кино...

И она скрылась за дверью...

Сергей ЗВАНЦЕВ

г. Ростов-на-Дону.

Фальшивая вывеска

На днях в Западном Берлине, на Эрст-Ринг-штрассе, раздался сильный взрыв. Встретившиеся жители бросились к месту происшествия, чтобы узнать, кто позволяет себе такие шумные забавы.

Однако, по сообщению газеты «Ди вельт», узнать что-либо, кроме того, что имеются пострадавшие, оказалось не так-то просто. Полицейские угрюмо прохаживались около повреждённого взрывом дома и никаких объяснений не давали.

В толпе поговаривали о неосторожном обращении с боеприпасами, а кто-то благодушно предположил, что всё дело, может быть, в неисправности газовой проводки.

— Вы что же, не знаете этого заведения? — отозвался вихрастый юноша. — Ведь тут помещается «Группа борьбы против бесчеловечности!» Газовая проводка... Как бы не так!

— А что же, по-вашему, взрывчатка? Какое отношение она имеет к этой высокогуманной организации? Сейчас войдём в дом и всё узнаем.

— Интересно посмотреть, как вы это сделаете, — возразил добровольный комментатор. — Видите колючую проволоку? А вон по тем проводам проходит ток высокого напряжения. В самом доме есть и винтовки, и пулемёты, и ещё кое-что в этом роде.

— Для борьбы с бесчеловечностью?

— С луны вы свалились, что ли? Это же только название такое — «Группа борьбы против бесчеловечности!» А на самом деле в этой группе одни лазутчики и убийцы. Неужто не знали?

— Хм! Выходит, из-за этих молодчиков мы можем в один прекрасный день взлететь на воздух...

— И взлетим, если не отучимся принимать диверсионную организацию за благотворительное общество, — мрачно отозвался кто-то из окружающих.

* * *

В описанном случае сомнение может вызвать разве лишь то, что среди западноберлинцев нашёлся всё-таки один человек, не осведомлённый о подлинном характере «Группы борьбы против бесчеловечности». Ведь в действительности давно уже всем немцам, да и не только им, известно, что под благочестивой вывеской орудуют самые отпетые фашистские преступники, пытающиеся своей деятельностью сорвать дело воссоединения Германии как миролюбивого, демократического государства.

В. БОЕВ

ИЗОРЕПОРТАЖ КРОКОДИЛА О МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОВАРИЩЕСКИХ ВСТРЕЧАХ ПО ФУТБОЛУ

Рисунки И. СЕМЁНОВА.

Эти подарки футболистов очень нравятся болельщикам...

...а эти не очень.

ДВОЙНОЙ РЕПОРТАЖ

— Итак, Ниночка, нападающий прорывается к воротам... удар... ещё удар! Ах, Ниночка, кажется, он промазал...

Среди зарубежных болельщиков.

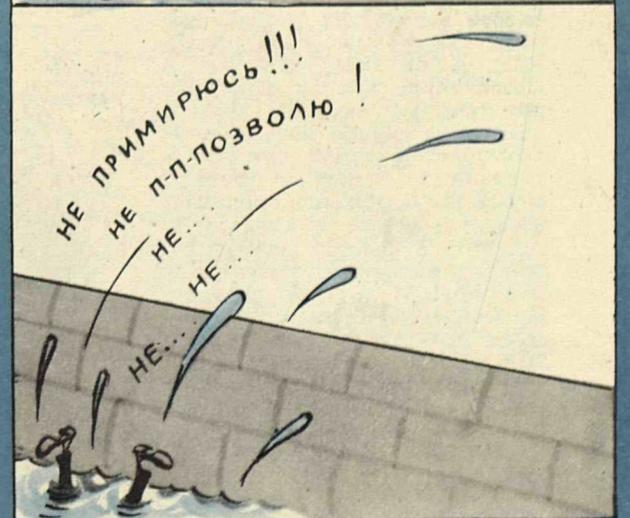
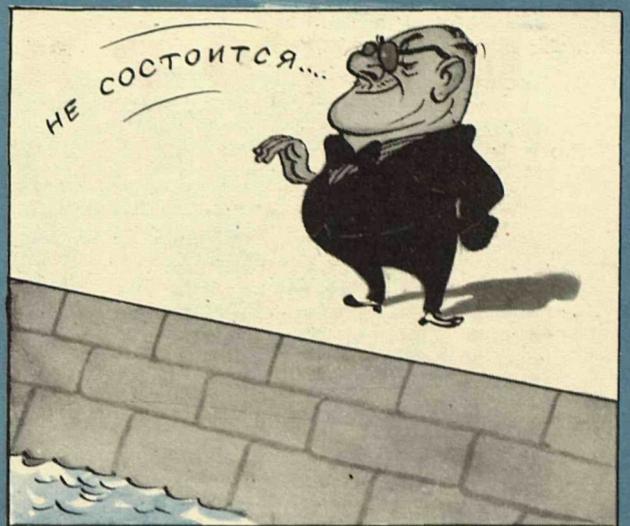
Острый момент

— Я боюсь смотреть футбол. Сегодня «Спартак» играет с «волками».

Матч прошёл в дружественной обстановке

ПОСЛЕ ГОЛА, ЗАБИТОГО НЕТТО

Болельщики-бухгалтеры: — Нетто — это чистый доход!..

ИСТОРИЯ С ЧЕМОДАНОМ

Начинается эта ужасная история весело, просто и гладко.

Дело происходит в доброе старое время, однажды весной.

Я молод, беспечен, легковен, живу в Москве и собираюсь в своё первое путешествие в Турцию, что, конечно, ещё больше меня окрыляет, делает особенно лёгким в решениях, в поступках, в доверии к жизни.

И вот наступает день моего отъезда, я начинаю укладывать вещи, вижу, что мой прежний чемодан слишком мал, истрёпан, и отправляюсь в Английский магазин на Кузнецкий, чтобы купить новый, большой, прочный.

Что такое чемодан? Это ближайший, интимнейший друг человека, по крайней мере в дороге, выбор которого требует, значит, немалого ума, расчёта, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а ещё и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной. Что до чемодана, о котором идёт эта повесть, то я купил его совсем иначе: вне всяких мудрых правил, изложенных выше, без дум и размышлений, с небрежнейшей быстротой, однакож на редкость удачно. Так, во всяком случае, казалось сначала — и не без оснований: чемодан на первый взгляд был безупречен.

Я до сих пор отлично помню, как произошла эта покупка. Я вошёл в магазин бодро, живо, с тем приятным чувством, с каким всегда входишь в магазин дорогой, богатый и потому спокойный, просторный, красивый, а главное, знакомый, где тебя не только давно знают, но, как кажется, и любят, где продавцы, похожие на людей из хорошей гостиной, встречают тебя какою-то такой улыбкой, что тебе вдруг делается очень лестно и ты мгновенно становишься фатом, спеша притвориться тем именно светским молодым человеком, держаться которым тотчас заставляет тебя уже одна эта улыбка. Я, помню, отвечая на поклоны, засунув в левый карман пальто набалдашник трости, конец которой торчал у меня за плечом, быстрым шагом прошёл по коврам по разным отделениям магазина, мельком хвостнул, что уезжаю надолго, далеко, и, войдя в дорожное отделение, кивнул головой на первый попавшийся чемодан прекрасной смуглой кожи, не спросив даже, что он стоит, только приказав отправить его вместе со счётом в мой номер в «Лоскутной». Я сразу, конечно, заметил, что в своём фатовстве слегка зарвался, что цена чемодана, когда я о ней узнаю, заставит меня ахнуть. Но эта мысль, это чувство тотчас исчезли в сознании, что такой превосходной вещи у меня ещё никогда не бывало, что я могу покрыть эту трату экономией на прочих расходах... Взгляд мой упал на этот чемодан совершенно случайно, но я им сразу восхитился — и недаром.

Повторяю: не в пример большинству покупок, столь пленяющих в лавках, а дома, при ближайшем и спокойном рассмотрении, приносящих чаще всего большое разочарование, чемодан оказался и в «Лоскутной» вполне достойным восхищения. В магазине он так поразил меня своими замками, кожей и тем, как он вообще дивно сработан, что я, принуждённый сделать до отъезда ещё кое-какие покупки, ужасно торопился как можно скорее воротиться домой, спешил, как на любовное свидание. А он был уже там, в «Лоскутной», как бы ждал моего прихода, спокойно лёжа в номере на диване, весь обернутый толстой синей бумагой и увязанный тонкой и крепкой бечёвкой. Я, наконец, приехал, вбежал в номер и кинулся к дивану. Я быстро перерезал бечёвку, разметал бумагу, и вот мой новый друг и спутник предстал передо мной во всём своём блеске: большой, тяжёлый, прочный, ладный, с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками, благородно-пахучий, атласно-скрипящий... Легко себе представить, с каким чувством я его раскрыл, раскинул, увидал его девственные недра, большой карман темнокрасного сафьяна с исподу верхней половины!

Так радовал он меня и всю

В октябре 1955 года исполняется 85 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Ивана Бунина. Готовятся к изданию избранные сочинения писателя.

Рассказ «История с чемоданом», впервые публикуемый в нашей печати, позволяет читателям «Крокодила» познакомиться с тем высоким чувством юмора, который Бунин сохранил до глубокой старости.

дорогу до Одессы. Я всё время наслаждался чувством своего обогащения, мыслью о том, чем я обладаю. Сажу в вагоне-ресторане за обедом, лечу и мечтаю, расплёскивая, наливаю красное бордо в низкий и толстый стакан, гляжу на столы, на соседей, на тот весёлый, пёстрый блеск, что присущ всем вагонам-ресторанам, потом пью кофе и курю жаркую и

сладкую сигару, а сам мысленно вижу своё купе с уже раскрытой постелью, лампочку под розовым абажуром на столике возле постели и его, мою гордость: лежит себе в оттянувшейся сетке, плотно набитый всем мне необходимым, качается и дремлет, мчитя вместе со всеми нами в Киев, в Одессу! Возвратясь в купе после обеда, выпиваю нарзану, слегка задыхаюсь от его стеклянноключих иголок, раздеваюсь, тушу свет, засыпаю — и опять та же мысль, то же чувство: ночь, вагон, темнота, всё летит, рвёт, скачет, а он тут, со мной, в этой сетке... Я чувствовал к нему даже какую-то благодарность!

Ну-с, а затем мы приехали с ним в Киев, пересели в другой поезд, тоже ночной, курьерский, а утром проснулись уже под Одессой в то время, когда весь вагон умывался, одевался, пил чай и кофе, что несли по поезду лакеи... В Одессе мы остановились в «Петербургской», он, то есть чемодан, полежа в вестибюле, а я съездил в пароходную контору, потом позавтракал в ресторане «Петербургской» жареной глянью, заливая её белым вином Кристи, и расплатившись по счёту и вновь соединившись с чемоданом, поспекал в Карантинную Гавань... Пароход уже готовился к отходу. Он оказался старый, выдавший виды, низкий, с тяжёлой кормой, с глубокой посадкой. «Значит, — подумал я, — покойный, не валкий». Был он приятен и тем, что был совсем почти безлюден, только подъехало в самую последнюю минуту ещё два пассажира первого класса, какой-то ксёндз и в трауре худая дама, из польских, так что в нашем с чемоданом распоряжении оказалась целая большая каюта. Там чемодан лёг на верхней койке, а я расположился на нижней. Вскоре после того пошёл над нами топот матросов, под бортами зашумело, забурляло, послышались свистки, команда, треньканье телеграфа из вахтенной рубки в машину, набережная стала от бока парохода отделяться... На закате мы были уже далеко в море, и я не запомню столь ровного, безмятежного хода, каким шли мы весь вечер, а потом в мягкой тьме морской ночи с тёплым и всё крепнущим ветром. Надышавшись им на юте, я часов в десять был уже в койке и стал погружаться в сладкую дремоту, медленно опускаюсь и поднимаюсь вместе с нею, валяясь то на правый бок, то на левый, временами шумно покрываясь целым водопадом вдруг откуда-то ударившей в стену волны, временами же ровно, тихо дрожа на слегка стучащей дрожи работавшей где-то в глубине машины... Как вдруг, как раз в ту самую минуту, когда я уж совсем было исчез куда-то, меня вознесло, как на качелях, потом метнуло книзу и оглушило таким громом, что я дико сорвался с койки в полном убеждении, что пароход налетел на что-то, что сейчас в каюту хлынет море, и получил такой страшный удар в ноги, что ринулся вниз головой, под ревущий умывальник, но, по счастью, не успел его достигнуть, ибо пол за мной внезапно провалился, и я снова покатился к койке, снова наступаемый каким-то громом... И пошла, пошла потеха!

Дело было ясно: страшная качка! Но этот пром, грохот? Этот удар в ноги? Чем это меня так хватило? Страшней всего было мгновение ожидания нового удара, пока я катился к койке. Тут я, однако, изловчился, упал в койку грудью и, поймав на переборке какую-то кнопку, осветил каюту. Что же оказалось? В шуме волн, в свисте ветра, в скрипе переборок на полу бешено летающей каюты носится что-то живое! Да, живое, живое! Что? Но чемодан, конечно! Это он оглушил меня громом, брякнувшись с верхней койки об пол, потом чуть не перебил мне ноги. Теперь, на свободе, он носился по каюте, как угорелый. Он точно мстил кому-то за всю ту покорность, с которой он должен был лежать всю дорогу в сетках, притворяться моей вещью, бездушным чемоданом. Он вдруг ожил и бесовски разыгрался: гладкий, скользкий, тяжёлый, как булыжник, набитый мной

— Сегодня обещали устроить два перерыва!
— Наконец-то! Вдвое больше в поле поработаем.

до круглоты, до отказа, как говорят нынче, он в диком и резвом веселье то мчался на меня, на койку и бил лбом в ножку койки, то, подпрыгнув, кубарем летел под умывальник, а оттуда к двери, а от двери под иллюминатор... Умывальник, мотаясь, как пьяный, задыхался, отчаянно ловил своей дырой воздух, клокотал и захлёбывался рёвом; переборки трещали, скрипели; иллюминатор то и дело падал своим чёрным стеклом в налетавшие волны, которые, взвываясь, били в него густой, мутной слюной, текли её мерзкими разводами, кружевами, а чемодан стервенел всё больше и больше, ничуть себя не жалея, драл свою дивную кожу, с яростью бился замками и углами обо что попало... Надо было немедленно кинуться на этого безумца, подмять под себя, притиснуть к полу, забить под койку. И вот я опять сорвался с койки и упал на него всем телом. Но тут пол за мной опять рухнул, впереди же встал дыбом, и чемодан быстро выскользнул из-под моего тела, крепко дал мне в темя и, крутясь, грохоча, сам понёсся под койку. Я мгновенно перевернулся и уже готов был вбить его туда одним ударом, но он вдруг подпрыгнул, как мячик, взвился и понёсся к двери, а я угодил как раз туда, куда его метил, под железную сетку койки, страшно ободравшую мне плечи.

Продолжать ли рисовать эту гнусную битву? Ей не было конца и края. Я тоже потерял рассудок, тоже остервенился. Сперва я ещё думал, что всё это только игра моего воображения, что чемодан мне только показался живым, одушевлённым; я сначала испугался лишь корыстно — того, что он весь избьётся, обдерётся, кинется к нему, в сущности, на помощь, чтобы облегчить ему возможность где-нибудь приткнуться, задержаться... Но нет, он вовсе не был лишь игрушкой, забавой волн и ветра, бессмысленной вещью, безвольно вверх и вниз летавшей вместе с каютой! Он, видимо, сознательно был счастлив всем этим адом качки, давшей ему столь чудесный случай сорваться на пол и пуститься в свои беснования, раззадорить меня ими, вовлечь в схватку и начать нещадно гвоздить по чём попало. И если б кто видел, сколь он оказался ловок, прыток, изворотлив, как метки и ужасны были все его удары, какой умной, сильной, злобной

тварью он вдруг объявился! Но ведь и я был не из таковых, что сдаются сразу. Я бился не на живот, а на смерть, руками и ногами, и порой награждал его такими тумками, что он, не взвидев света, взвился чуть не на умывальник, у которого всё больше выворачивало душу от морской болезни. Я скрежетал зубами. О, если бы помощь! Но кто же мог помочь мне? Кричать — верх позора, да и кто бы отозвался? Не спали лишь там, на вахте! Я задыхался, обливался потом, катаясь по каюте в самом постыдном, растерзанном виде, молил бога о кинжале. О, если б кинжал! С каким упоением я всадил бы его в бок этой твари! Но какой кинжал, откуда? Да и что ему кинжалы!

Кончилось всё же моим бегством. «Будь ты проклят! — крикнул я ему под утро. — Носись, взвивайся, грохочи тут сколько хочешь!» И, кое-как одевшись, выскочил вон из каюты.

Наверху был холод, лёд, пустыня, буря; палубу то и дело крыло пенными шумными хвостами крепкого, пахнущего мокрым бельём моря. Я жадно хватал грудью свежий воздух, стоял, мотался, ухватясь за притолоку рубки. Уже стихало и светало. Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, а небо куда-то прочь, в бездну, потом вдруг открывалась и отвесно неслась прямо на меня равнина моря, зелёно-седого, изрытого ухабами, горами, с которых дымом, метелью гнало пыль пены. Я метнулся из рубки на холодный ветер, или, говоря поэтичней, в ледяные крылья бури, и с безобразно вздутым картузом в один зигзаг перелетел к юту, ют в тот же миг взвился вверх своим широким задом; всё остальное, вся та неуклюжая тяжесть, что была впереди, подо мной, — палуба, рубка, труба и отчаянно вопиющие снасти, — повалилось к носу, поклонилось морю и по плечи, по горло, с мучительным наслаждением в него погрузилось, и я увидел, как мала и несчастна наша старая, чёрная баржа в этом огромном и дикопустынном водном круге, высоко затоплявшем горизонты, охваченном лохматым небом. Но что мне было до всей этой картины! Я, видя, что всё-таки стихает, что близится утро, стискивал зубы, бормотал злорадно, сладострастно (чемодану, конечно): «Ну, погоди, погоди же!»

А в сущности, что я мог ему сделать?

АРХИБюрократы

«В «Ворошиловградской правде» многие письма читателей без проверки и расследования направляются в архив».

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

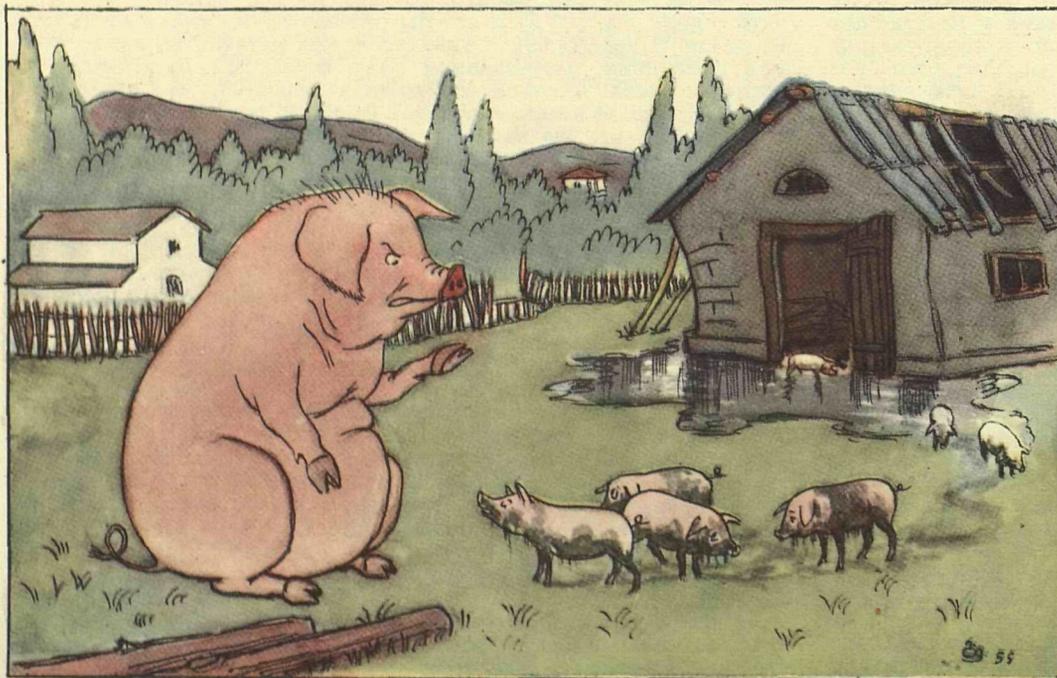
В ДЕТСКОМ ВАГОНЕ

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

— Дети! Здесь курить нельзя...
— Смотри-ка! Залез в детский вагон да ещё распоряжается...

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА (г. Тбилиси).

— Сколько раз я вам говорила: не ходите в свинарник!

ВИЛЫ В БОК

В ЧУЖОМ ПИРУ...

Стбит доброму молодцу «пропустить» хотя бы маленькую рюмашечку, и разве только слепой ему не скажет:

— Э-э, брат, да ты, кажется, того... клюнул!

Во всяком случае, до ноября прошлого года врачи не затруднялись отличать пьяного от трезвого и не имели при этом особых хлопот.

— Слишком легко живут врачи! — решили тогда в Министерстве здравоохранения СССР и издали приложение № 2 к приказу № 523, сиречь форму «Акта медицинского освидетельствования для установления состояния алкогольного опьянения».

Этим глубоко продуманным документом дело опознавания пьяных сразу ставилось на широкую научную основу. Акт содержал в себе ни много ни мало 15 пунктов с 40 подпунктами в них.

Насколько авторы «Акта» склонны к детализации и как глубоко хотят они проникнуть в существо вопроса и в душу бражника, можно судить, например, по таким пунктам:

3. Поведение испытуемого: возбуждён, болтлив, замкнут, агрессивен, сонлив, плачет, жалуется ли... и на что именно...

4. Состояние сознания, ориентировка в месте, времени и окружающем, а также в собственной личности.

6. Способность связного изложения, счёта, речевая способность (заикание, бормотание, скороговорка, чтение).

9. Мимика вялая, оживлённая... походка (шатающаяся, разбрасывание ног при ходьбе)...

и т. д. и т. п.

И теперь, пока больные, сидя в коридоре, ожидают приёма, врач добросовестно и в поте лица своего излагает животрепещущие данные о речевой способности и походке подвыпившего молодца. Уходит на это столько времени, что испытуемый, будь он хоть в стельку пьян, успевает протрезвиться.

Вот уж поистине у врачей в чужом пиру похмелье: кто-то пьёт, а у них от писанины голова болит!

ДРЕЙФУЮЩИЙ ВАГОН

Собственно, вагон этот называется передвижным магазином. Но, прямо скажем, к передвижению он имеет весьма отдалённое отношение.

На первых порах начальнику орс Уржумского леспромхоза тов. Суровцеву казалось, что за магазином на колёсах нужен глаз да глаз, и потому он больше года стоял против окон его квартиры в городе Уржуме.

Но то ли вагон всё-таки намозолил тов. Суровцеву глаза, то ли внял тов. Суровцев требованиям Главурса, в конце концов начальник совершил смелый поступок. Он «передвинул» вагон в сторону Уржумского леспромхоза, который должен обслуживать, на... 1 километр.

Но и после этих сдвигов торговля ни на шаг не подвинулась. Передвижной магазин попрежнему бездействует и ничем не снабжает рабочих леспромхоза.

Интересно: сколько ещё месяцев понадобится вагону для дрейфа, чтобы преодолеть оставшиеся 20 километров до леспромхоза?

Крокодил помог

◆ В № 15 журнала было опубликовано «Письмо в редакцию» ферганской газеты «Коммуна», редактору А. Х. Хамдамову, который оставил без помощи своего сына Пулата.

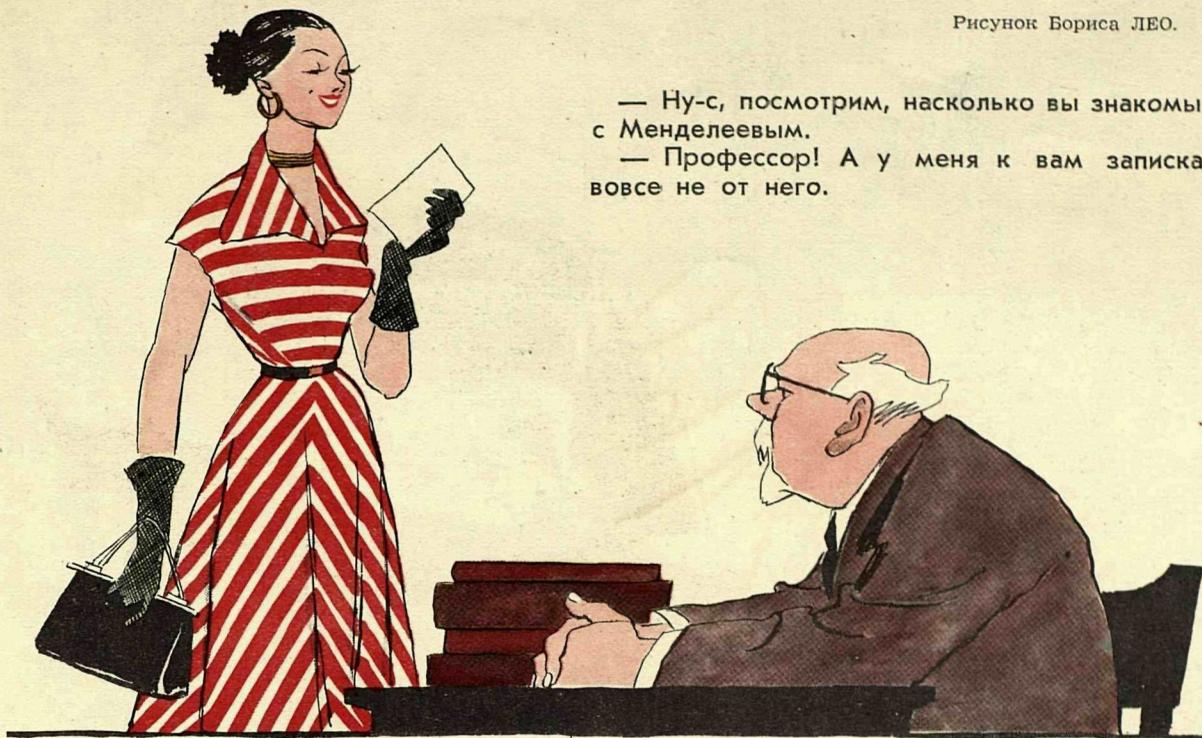
Фельетон обсуждался на бюро Ферганского областного комитета КП Узбекистана. За бездушное отношение к воспитанию сына бюро объявило Хамдамову выговор и обязало его взять Пулата в свою семью.

◆ В фельетоне «Дутиш на хозрасчёте» (Крокодил № 16) говорилось о плохой работе Азовской зональной опытной станции по хлопководству.

Фельетон был рассмотрен Азовским районным комитетом КПСС.

Директор станции Л. Н. Знаменский за неудовлетворительное руководство станцией и запущенность научно-исследовательской работы исключён из кандидатов в члены КПСС. Поставлен вопрос о снятии его с поста директора опытной станции.

Одновременно районный комитет партии возбудил ходатайство через Ростовский обком КПСС об изменении профиля работы Азовской опытной станции по хлопководству и просил сделать её станцией орошаемого земледелия.

— Ну-с, посмотрим, насколько вы знакомы с Менделеевым.
— Профессор! А у меня к вам записка вовсе не от него.

Дорогой Крокодил!

Товарищ Крокодил!

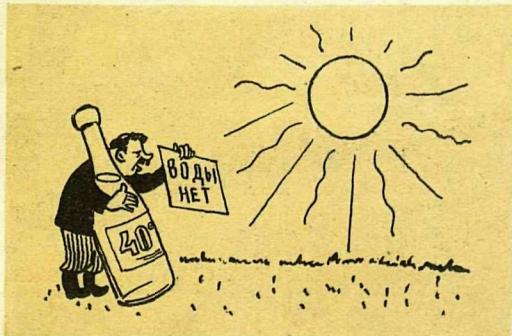
Помнишь, как в «Шотландской застольной» поётся:

«...готов я хоть в воду,
Да жаль, что с воды меня рвёт».

Эти слова очень нравятся бригадиру первой полеводческой бригады колхоза «Путь Ильича» тов. Олейникову и работникам Маньковского сельпо. Во всяком случае, они тоже считают, что полеводам пить воду не следует.

Так у нас и получается. То бригадир тов. Олейников очень долго не мог бочку для подвоза воды найти. То, когда бочка нашлась, колесо от повозки потерялось...

А тем временем у работников Маньковского сельпо колёса «нашлись». Прибыли они на одноконной торговой повозке в поле и, образно выражаясь, «поднесли» полеводам... водку.

Будь это в другое время, мы, дорогой Крокодил, может быть, не пожаловались бы тебе на такое угощение. Но сейчас, на работе в поле, да ещё в сорокаградусную жару, эта сорокаградусная влага не пришлась полеводам по вкусу. Всё-таки стаканчик природной ключевой был бы куда лучше!

Главный агроном
Маньково-Калитвенской МТС
А. КОЛЯДА

Чертковский район,
Каменской области.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

Такой отличный пловец, как ты, не нуждается на воде ни в каких приспособлениях. А нам, сухопутным жителям, приходится прибегать к помощи лодок. И вот я приобрёл подвесной лодочный мотор «Рига-125» производства рижской артели «Металлист».

Первая прогулка вблизи Сухуми на лодке с таким мотором обоилась мне в 1800 рублей, ровно во столько, сколько стоит мотор, который после трёх часов работы прекратил своё брэнное существование — раза два «чихнул» и навеки замолк.

Я разобрал мотор и обнаружил, что шестерни, вращающие гребной винт, превратились в металлическую труху. Написал в Ригу несколько горьких слов. Получил спустя месяц от председателя правления артели Э. Эмзиньша полусладкий ответ, который всё же внёс луч надежды в моё скованное печалью сердце: «Запчасти пока не изготавливаем, но скоро этот вопрос решим. Две конические шестерни вышлем бесплатно».

Прошло ещё два с половиной месяца. Шестерёнок всё нет. Луч надежды угас. Меня очень мало утешает то, что и у других моих земляков, владельцев рижских моторов, они бездействуют.

В инструкции, которой правление артели снабжает свои недолговечные изделия, имеется милая просьба к потребителям вносить поже-

лания и замечания. Я имею пожелание. Пусть изменят марку мотора «Рига-125» на «Рига-125 неприятностей». Тогда станет всё ясно.

П. ВАФИАДИ

г. Сухуми.

Уважаемый Крокодил!

В Белозёрском районе, Чкаловской области, значительно расширены посевные площади, но, как ни странно, это увеличило и кормовую базу... сусликов.

Ты, товарищ Крокодил, разумеется, с арифметикой в ладах, и я просто приведу тебе несколько цифр.

Плотность сусличьего населения — примерно 7 грызунов на 1 гектар. Если учесть, что за лето суслик уничтожает не менее пуда зерна, то только в одном лишь колхозе «Путь к коммунизму» с посевной площадью в 7 тысяч га грызуны получают безвозмездную ссуду в размере 49 тысяч пудов зерна.

«Безвозмездную» — так как никто из работников сельского хозяйства района как будто не собирается их за эти хищения зерна наказывать.

Я слышал, что суслики выражают сердечную благодарность своим районным благодетелям за их радение о сусличьем благе.

Ф. СПИЦЫН,
учитель Васильевской средней школы.

Белозёрский район,
Чкаловской области.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-31-37, Д-3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 04604. Изд. № 685. Подписано к печати 10/VIII 1955 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 2161. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Всероссийская
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1955 г.

— Что с нашей госпожой?
— Её продуло в Женеве...

